

Санников С. В.

кандидат богословских наук, старший научный сотрудник Центра исследования религий НПУ им. М. П. Драгоманова

ТАИНСТВА В САКРАМЕНТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРАВОСЛАВИЯ, КАТОЛИЦИЗМА И БАПТИЗМА

Аннотация. В статье проводится анализ трансформации традиционных представлений о священнодействиях в православии, католичестве и баптизме. Показано, как в каждой из этих групп меняется парадигма понимания таинств от узкого и ограниченного числа обрядов к широкому представлению sacramentov как встречи с Христом в пространстве Церкви. Привычное представление о 7 таинствах в православии и католичестве и 2-х таинств в баптизме подвергается критике представителями этих конфессий с библейских и богословско-исторических перспектив.

Хотя расширение числа таинства и переосмысление их сути подвергается критике внутри этих групп, все же автор обращает внимание на схожесть тенденций в каждой из указанных конфессий рассматривать таинства не столько как передачу благодати, а как видимое присутствие невидимой благодати. Открытость церковного сознания к рассмотрению таинственного присутствия Христа в окружающем мире может стать основанием не только для продуктивного диалога, но и для взаимного обогащения каждой традиции.

Ключевые слова: sacramentология, 7 таинств, православие, католицизм, баптизм, изначальное таинство.

Традиционно, sacramentологию как науку о таинствах помещают в раздел практического богословия и описывают в качестве корпуса определенных действий по совершению церковных священнодействий. Представление о церковных sacramentax — это с одной стороны, достаточно разработанная часть христианского богословия, но с другой стороны, наиболее дискуссионная и контроверсионная часть богословских рассуждений, не только между христианами разных традиций, но и в пределах каждой конфессии.

Актуальность темы. Современная стадия взаимоотношений между разными христианскими группами на постсоветском пространстве, их представителей вынуждает вступать в диалог в sacramentологическом пространстве богословского дискурса для поиска полей общего понимания. И действительно, в богословии наиболее явно присутствующих в Украине конфессий (православие, католицизм, баптизм), наблюдается выявление точек соприкосновения даже в sacramentологии, что часто приводит к взаимному обогащению.

Состояние изучаемой проблемы. В православной и католической традициях, как правило, sacramentологию помещают в учебниках и курсах по литургии, а также частично относят к догматике, но не к ексклезиологии. Это можно видеть во многих основных учебников по православной sacramentологии, в частности в книге прот. Геннадия Нефёдова [8], представляющей таинства в литургическом аспекте. Даже в такой обстоятельной монографии, как труд Михаила Арранца [1], таинства рассматриваются в основном с литургической перспективы¹.

В католическом богословии sacramentологию частично относят к догматике, т.к. в этом разделе изучается сущность таинств, хотя и в этой традиции много внимания уделяется процедуре их проведения (литургии). В католическом пособии по курсу христианского обучения говорится: «Sacramentологией называется систематическое изучение природы церковных Таинств. Sacramentология — это богословская дисциплина, относящаяся к разделу догматики» [12, с. 5].

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в традиционном баптистском богословии. Так, книга известного служителя украинского баптистского союза В. Матвиива «Священноді пастора» [6] посвящена главным образом сце-

¹ Также см. монографию архиепископа Аверкия (Таушева) «Литургика» [13], и др.

нарию каждого священнодействия с образцом и подробным объяснением процедуры, а также с примерами проведения священнодействия. Внутренний смысл и значение священнодействий в ней рассматривается бегло. Это же можно видеть в издании российского союза баптистов «Настольной книге пресвитера» [7], где также основное внимание уделяется процессу и форме совершения священнодействий, а не их внутреннему богословскому смыслу. Такое же состояние изучения вопроса наблюдается во многих других изданиях.

В то же время современные богословские разработки в этих трех традициях демонстрируют явную тенденцию к изменению привычного представления о таинствах как о ритуальных священнодействиях и оспаривают установившуюся практику описывать таинства семью (в католичестве и православии) или двумя (в баптизме) священнодействиями.

Цель статьи в сравнительном изучении понятия таинство (сакрамент) в узкоцерковном представлении и в широком богословском описании этого феномена в трех ведущих конфессиях украинского общества с тем, чтобы показать современные тенденции, сближающие взгляды этих христианских групп.

Основное изложение. Общеизвестно, что в православии и католицизме различают 7 священнодействий-таинств, которые составляют основу или каркас богослужений, и в которых реализуется основная религиозная жизнь их адептов. В восточном христианстве число таинств официально установлено посланием Восточных патриархов: «Веруем, что в Церкви есть евангельские Таинства и что их семь. Меньшего или большего числа Таинств в Церкви не имеем, так как число Таинств сверх семи есть порождение еретического неразумия. Седмичное же число Таинств законополагается и принимается Священным Писанием, как и прочие догматы католической веры» [10]. Баптизм, как протестантизм в целом, придерживается мнения о двух церковных установлениях-таинствах. Это водное крещение и Вечеря Господня (евхаристия). Однако ситуация с количеством священнодействий во всех этих конфессиях, гораздо сложнее, чем это принято воспринимать с первого взгляда, и связано это с неоднозначным пониманием категории «священнодействие как таинство».

В православии формула «7 таинств» пропагандируется только на уровне школьного и популярного богословия, но в серьезных богословских сочинениях она подвергается критике как с точки зрения библейского, так и богословского осмысления. Александр Катанский еще в 1877 г. на основании работ ранних христианских писателей (до Оригена) сделал весьма полный и скрупулезный анализ священнодействий, называемых таинствами, и их числа. Завершая свой обзор, он однозначно заявил, что на вопрос: «Было ли в древней Церкви выработано общее понятие таинства ... была ли формула «таинств церковных семь» и вообще раскрываем ли было догматическое учение о таинствах так, как оно раскрывается в настоящее время? ... в пределах исследованного нами периода надо ответить отрицательно» [4, с. 390]. Другими словами, анализируя работы мужей апостольских конца I в., христианских апологетов II в. и учителей III в., включая Оригена, Тертуллиана и Киприана, исследователь сделал вывод, что церковные священнодействия, в частности водное крещение и евхаристия, не выделялись из общего процесса обращения и освящения христианина, его участия в церковной жизни общины. Фактически А. Катанский подчеркивает у раннехристианских писателей идею целостного восприятия церковной и духовной жизни, а также идею всеобщего священства. Это, как он пишет, «побуждает их (ранних писателей — прим. С.С.В.) к совместному рассмотрению разнообразных способов действия Духа Божия в Церкви Христовой, а не к выделению таинств из ряда других способов действия благодати Божьей в Церкви» [4, с. 391]. С Катанским согласны и другие православные исследователи. Т.е. практически никто ни в исторических церквях, ни в протестантизме не оспаривает тот факт, что идея семи таинств как центрообразующих факторов сакрального пространства церкви исторически является средневековой парадигмой, которая возникла, скорее всего, из языческого миропонимания, что стало активно проникать в церковь после III в., в период массового распространения христианства.

Известный баптистский богослов Кристофер Элис в сборнике «Баптистский сакраментализм 2» пишет: «Исторически, церкви Реформации отвергли ломбардийский синтез

семи таинств и говорили о двух «dominical sacraments»¹. Такое выделение двух связано с тем, что именно они явным образом описываются в Писании как повеления Иисуса» [16, с. 6].

Михаил Ааранц, анализируя таинства византийской традиции с католической точки зрения, пишет: «По учению Св. Симеона Солунского, скончавшегося в 1429 г., в Православной Церкви существуют семь таинств, и все семь установлены Господом Нашим Иисусом Христом, Который Сам их всех принимал; и архиепископ это доказывает через Новый Завет. Константинопольский Евхологий в начале XI в., но также и современные печатные книги менее категоричны, чем архиепископ насчет числа таинств» [1, с. 25]. И далее Ааранц указывает, что другие таинства, кроме крещения и евхаристии, в древних литургических документах чаще всего называются «чинами» и в категорию таинств наравне с Таинствами Господними попадают сравнительно поздно.

Алексей Зайцев говорит об истории появления 7 таинств: «Первая попытка систематизации учения о самых важнейших священнодействиях Церкви связана с именем св. Дионисия Ареопагита. В книге «О церковной иерархии» выделяется шесть таинств, что соответствует в системе Ареопагитик двум (священнослужители и миряне) триадам церковных степеней. При этом совсем не утверждается, что таинств, как средств обожения, шесть и только шесть — не больше и не меньше. Число «шесть» не абсолютизируется, но используется лишь для выделения важнейших тайнодействий среди множества других» [2]. И далее автор отстаивает широко распространенную в последнее время в православном богословии идею, что любое церковное священнодействие является таинством. В подтверждение он приводит слова архимандрита Иустина (Поповича): «Всякое священнодействие есть святое таинство. И даже самое незначительное? — Да, каждое из них глубоко и спасительно ... таинства есть благодатные действия Божии в Теле Христовом. Попытки строго определить количество этих действий бессмысленны» [Цит. по: 2].

В католическом катехизисе, который является непререкаемым официальным догматическим документом для католической традиции, ясно говорится: «Таинства — это установленные Христом и вверенные Церкви видимые и действенные знаки благодати, через которые нам дается Божественная жизнь» [5, с. 80]. Такое же твердое заявление о закрытом числе таинств (7 и только 7, не больше и не меньше) принято на Втором Лионском соборе (1274) и окончательно утверждено на Тридентском соборе (1345-1563), с требованием отлучать всякого, кто подвергнет сомнению это число. Вместе с тем, многие современные католические богословы представляют таинства более широко. Так, известный доминиканский богослов Эдуард Схиллибекс (Schillebeeckx) в книге «Христос — Таинство встречи с Богом» считает, что слово таинство следует понимать и использовать в трех разных, но взаимосвязанных смыслах. В самом широком смысле слова таинство — это сакраментальное присутствие Бога на земле, ожидающее человеческого отклик. Во-вторых, таинство — это встреча Христа с его народом в Церкви, которая сама является тайной Божьей. И в третьих, можно говорить о традиционном понимании некоторых священнодействий, отмеченных церковью, которые, по мнению этого автора, не должны рассматриваться сами по себе, но в контексте того, что они являются специфическими действиями Христа. В общем виде церковные таинства становятся для Схиллибекса земными носителями встречи с Богом через Христа в реальном настоящем. Но главным сакраментом для Схиллибекса является вочеловечившийся Христос. Эта мысль проходит не только через всю книгу, но и через все богословие автора. Он называет Христа, в соответствии с новой теологией Живого Бога, «изначальным таинством» (primordial sacrament): «Человек Иисус, как личная видимая реализация божественной благодати искупления, является таинством, изначальным таинством, потому что этот человек, Сам Сын Божий, предназначен Отцом, стать в своей человечности единственным способом к совершению искупления» [22, с. 15].

¹ В схоластическом богословии, несмотря на подчеркивании 7 таинств, всегда выделялись два — Крещение и Евхаристия как «dominical sacraments» — «Господни таинства».

Другими словами, в исторических церквах, хотя и постоянно подчеркивается формула семи таинств, но на уровне богословия существует понимание, что это число весьма условное и любое проявление Христа в профанном мире есть таинство.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в баптизме. Традиционно, классический баптизм указывал только на два церковных священнодействия (крещение и Вечеря Господня). Исповедание веры родоначальника баптистского движения — Джона Смита, написанное им от имени группы англичан в 1609 г., использует слово «таинство» (sacraments) и говорит: «...Церковь Христа имеет власть проповедовать Слово, совершать Таинства, назначать служителей, снимать их» [18, с. 15]. В следующем пункте указывается два таинства — крещение и Вечеря Господня. Т.е. количество таинств ограничивается двумя, но вероятнее всего твердое указание на два священнодействия продиктовано реформационным порывом, противостоянием с практикой официальной церкви и задачами вероисповедания, которое было написано Дж. Смитом по просьбе голландских меннонитов для решения о принятии этой группы англичан в их общину. Но уже в 1948 г. в Заявлении Совета Баптистского союза Великобритании и Ирландии по поводу понимания доктрины Церкви сказано: «Мы считаем важным не изолировать таинства (*крещение и Вечерю Господню — прим. переводчика*) от всего действия божественной благодати, а видеть их всегда в контексте общего поклонения, веры и служения в церкви» [15, с. 11]. Так, со второй половины XX в. в Великобритании начинается движение баптистского сакраментализма, которое расширяет представление о таинствах. Кларк Пиннок пишет: «Я очень расстраиваюсь, когда открыв книгу по сакраментологии, нахожу в ней описание только двух известных церковных ритуалов. Сакраментов намного больше, чем два (в протестантской традиции) и намного больше, чем семь (в католической)» [20, с. 11]. И далее он разделяет натуральные и церковные сакраменты и, говоря о таинствах церкви, заявляет: «Церковная жизнь богата сакраментами и вызывает Божье присутствие разными путями. Я вижу их везде. Медиативная благодать так активна: она в пении и в молитве, прославлении и в благодарении,

в приветствии и в общении, в научении и обличении...» [20, с. 11]. Пол Фиддес пишет: «В христианской традиции сакраменты — это частички материи, которые Бог берет и использует как особые места встречи (рандеву) с Ним самим; благодать меняет природу и благодать это просто Божье милостивое снисхождение к нам и к Его миру... В сакраменте Божье действие в сотворении и искуплении сплавляется в едином фокусе распятого и воскресшего Христа» [17, с. 57]. Позиция Пола Фиддеса и большинства ведущих британских баптистских богословов в отношении сакраментального присутствия Бога в творении, крайне близка (а временами тождественна) с позицией Ед. Схиллибекса, К. Ранера, Х.-У. фон Бальгазара, Г. Флоровского, И. Зизиуласа и др. представителей новой теологии.

Другими словами, в современном британском баптизме, исходя из более глубокого изучения библейского текста, представление о таинствах начало строиться на основе идеи таинственного воплощения Христа, благодаря чему материальный мир перестал быть враждебным Богу. Начало исчезать противопоставление материального и духовного, и Всевышний стал использовать материальные объекты как проводники Своего присутствия в мире и в Церкви. Исходя из этого, число таинств не может ограничиваться только двумя установлениями, но любое священнодействие в церкви выявляет присутствие Христа через материальные знаки — через молитву, поклонение, проповедь, рукоположения и пр., поэтому зафиксировать определенное количество таинств невозможно, и в этом нет необходимости.

В то же время доминирующим направлением в американском баптизме, и особенно в Южной баптистской конвенции, по-прежнему остается критическое отношение к сакраментализму. Кристофер Муди в своей докторской диссертации, посвященной изучению британского баптистского сакраментализма, указывает, что появление этого движения в Великобритании «основано на богословском провинциализме и экуменических уступках» [19, с. 126]. В доминирующих группах американского баптизма по-прежнему утверждается идея только двух церковных установлений, которые не считаются таинствами.

Изменения богословского представления о таинствах и использование сакрамен-

тальной лексики наблюдается и в богословии славянских евангельских христиан-баптистов. К. Прохоров в своей докторской диссертации [21] провел глубокий и тщательный историко-религиоведческий анализ священнодействий славянского баптизма. Он считает, что в довоенный период славянский баптизм знал только два таинства — крещение и Вечеря Господня, но с 1948 г. число таинств начинает меняться.

Очевидно, это не совсем точное заявление, т.к. даже в самый ранний период своего существования в Российской империи евангельские христиане и баптисты, действительно подчеркивая в своих исповеданиях веры значимость двух указанных таинств, часто использовали тот же язык в отношении брака и других средств Божьей благодати. Так, в вероучении баптистов, представленном во время суда над Евдокией Гросицкой в 1903 г., крещение и Вечеря Господня характеризуются понятием «благодатное Христово установление», но и брак в этом вероучении описан таким же языком. О нем сказано: «Брак есть святое Божие установление ...Обряд бракосочетания есть святое действие и совершается служителями Слова» [Цит. по: 14, с. 572].

Такое же представление о церковных священнодействиях имел ссыльнокаторжный штундист Иван Шубский. Его «Изложение основ евангельской веры», сделанное в апреле 1880 г., говорит: «Таинство крещения мы признаем не как таинство, а как Священный обряд... Таинство брака тоже не признаем за таинство, а за Священный обряд... Причащения тоже не признаем за таинство, а как Священный обряд» [3, с. 226]. Т.е. не принимая бытового православного представления о таинствах, как автоматических медиаторов благодати, славянские баптисты изначально трактовали священнодействия в самом широком смысле, как «благодатные средства» спасения. Так, в Кратком вероучении баптистов В.Г. Павлова, которое печаталось с первых номеров журнала «Баптист» и пережило много переизданий, целый раздел (VI) посвящен благодатным средствам и там указано пять средств, среди которых крещение и Вечеря Господня занимают соответственно 2 и 3 место. «Средства эти следующие: а) Слово Божие; обращенные через Него действием Святого Духа присоединяются к Церкви Христовой

через б) крещение, и члены этой Церкви совершают в ней в) святую Вечерю для возвещения смерти Христовой и для теснейшего общения с Ним. В св. Вечере в то же время г) общение святых находит свое высочайшее выражение. Однако д) молитва есть душа всех этих средств и благодатного состояния вообще, она начинается с первого момента новой жизни и никогда уже не прекращается» [9, с. 1]. Эти свидетельства ясно показывают, что славянские баптисты рассматривали проявление жизни Христа не только в «dominical sacraments», но и во многих других церковных действиях.

К. Прохоров показал на целом ряде исторических документов, интервью и других первоисточниках, что в послевоенный период количество священнодействий очень колеблется. Так, он пишет, что в первом официальном документе ВСЕХБ (единого союза для родственных евангельских деноминаций, созданного по инициативе Советского правительства в 1944 г.) «Положение о Союзе ЕХБ» от 1948 г. упоминается 5 церковных установлений (крещение, хлебопреломление, бракосочетание, молитва над младенцами и над больными). В «Положении о Союзе ЕХБ в СССР» от 1960 г. снова приводится список из 5 священнодействий, но вместо молитвы над детьми указывается погребение. Оппоненты ВСЕХБ — баптисты, принадлежащие к другому, нелегальному союзу (СЦ ЕХБ) критикуя документы ВСЕХБ, в своих постановлениях указывали список священнодействий из 6 элементов, повторяющий список ВСЕХБ (включая молитву над детьми и погребение). Позже, как пишет Прохоров, в Уставах ВСЕХБ от 1966, 1970 и 1990 гг. в разделе о священнодействиях указывается весьма широкий, открытый и не совпадающий в разных версиях список служений, что исследователь трактует, в качестве «недомолвки о других установлениях (служениях)», вокруг которых «ходили авторы «Устава», путаясь в их общем количестве» [11, с. 163]. И далее он ссылается на авторитетных баптистских богословов А. В. Карева и Н. А. Колесникова, которые, по его мнению, поставили точку в этой дискуссии и предлагают список из 7 священнодействий.

Однако, сравнивая эти списки нельзя не заметить их несовпадение. Список Карева гораздо ближе к списку Краткого вероучения баптистов В. Павлова и включает в себя: про-

поведь, пение, молитву, служение любовью, крещение, хлебопреломление и сохранение мира. Он касается в основном сферы духовной жизни общины. Список Колесникова носит более формальный характер, и относится, прежде всего, к литургической сфере. Это крещение, хлебопреломление, рукоположение, бракосочетание, молитва над больными и детьми, освящение молитвенных домов, погребение.

На основании своих наблюдений Прохоров приходит к поверхностному выводу о доминирующем влиянии православных взглядов на баптистское богословие второй половины XX в. и подразумевает в развитии баптистского сакраментализма некую конвергенцию по отношению к православию, а возможно мимикрию и заимствование. Однако, на наш взгляд, это ложная корреляция, хотя, безусловно, отрицать влияние восточно-православной традиции на славянский баптизм крайне неразумно. Оно действительно есть, но в данном случае гораздо более естественно считать неустойчивость в количественном измерении числа церковных таинств-священнодействий нормальным развитием богословской мысли, которое говорит о расширенном понимании таинства как любого действия Бога через материальные субстанции.

Украинские баптисты тоже рассматривают священнодействия в расширенном смысле, но на первом месте всегда ставят «dominical sacraments». Так, известный украинский баптистский служитель — В. Матвиив в книге «Священнодія пастора» приводит список из 8 священнодействий, который практически повторяет список Н. Колесникова, но он разделяет молитву над детьми и молитву над больными на два отдельных действия. Т.е. для него не важно число 7, а более важным является литургическое содержание священнодействий. При этом Матвиив дает развернутое понятие о самих священнодействиях, подчеркивая, что их могут совершить не рядовые члены общины, а только «призванные и помазанные» служители «на основании Библии, в надлежащем состоянии и в страхе Божьем» [6, с. 50].

В этом подходе, отражающем традиционные богословские настроения в украинском баптистском братстве, явно видны несколько тенденций. Во-первых, священнодействия — это материальные знаки, которые совершают-

ся в церковной общине и/или от имени этой общины как поместной церкви, и обязательно сопровождаются призыванием имени Иисуса. Даже священнодействие погребение или елеопомазание на дому, трактуется как действие, совершаемое людьми, представляющими общину и выявляющими поместную церковь во время священнодействия. К священнодействиям, совершенным пасторами-одиночками, не представляющими церковное сообщество, даже если они не несут церковного взыскания, баптисты всегда относились очень подозрительно и недоверчиво в отличие от пятидесятничества или харизматического движения, где большое влияние имели пророки, хотя и там происходит процесс институализации. В таком подходе имплицитно видна трактовка священнодействия как живого и реального (здесь и сейчас) служения Христа своей Церкви. Во-вторых, любое священнодействие в баптистской традиции, по мнению Матвиива, совершается (или должно совершаться) рукоположенным священнослужителем, который занимает медиативное положение. Он посредник, представляющий Бога и общину одновременно. Автор говорит о служении пастора в общине по аналогии со служением Христа: «...Первосвященник — чтобы священнодействовать; Пророк (Учитель) — чтобы учить, воспитывать; Царь (пастор) — чтобы пасти, вести, управлять. Иисус Христос, назидая служителей в своей Церкви на «дело служения», хочет, чтобы они были также: Священниками, Пророками, Царями» [6, с. 49]. Таким образом, пастор видится как представитель (наместник, посредник) Христа, и во время священнодействия он действует не самостоятельно, но выполняет порученное ему Христом. С другой стороны, трактовка рукоположения, как отождествления с общиной, на чем особенно настаивает Матвиив, свидетельствует, что пастор во время священнодействия представляет общину верных перед Богом и возносит от ее имени просьбы и молитвы. Таким образом, хотя Матвиив предлагает фиксированное число баптистских священнодействий (8), его подход позволяет видеть священнодействие, как действие Христа в Церкви, и не закрывает количество сакраментов.

Выводы: На основании приведенных свидетельств о развитии православной, ка-

толической и баптистской сакраментологии, неопределенность в количестве таинств является подтверждением нового богословского подхода, а не взаимным подражанием. В открытости числа церковных священнодействий богословское сознание разных христианских групп демонстрирует понимание живого присутствия Христа, который может удивлять и действовать не так, как предлагают рамки схоластической онтологической. «Тихий» богословский протест против фиксированности количества таинств показывает жизнь Духа в Церкви, поэтому определять точное количество церковных таинств бессмысленно. В то же время во всех христианских традициях из разнообразных чинов и ритуалов всегда выделялись «dominical sacraments» — два Господних установления, которым практически все ведущие христианские группы придают первостепенное значение: это водное крещение и евхаристия.

Таким образом, в настоящее время в христианстве все большую популярность получает представление, что таинствами в полном смысле слова следует считать не только определенные церковные требы (обряды), но прежде всего изначальное таинство — самого Иисуса Христа как встречу в пространстве и времени сакрального, и профанного, и Церковь как сакрамент. И только в качестве вторичной реальности, зависимой от первоначальной, можно рассматривать формы сакрального присутствия Христа в Церкви через любое церковное действие, что традиционно называется священнодействием.

Литература:

1. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. Введение в таинства Византийской традиции / М. Арранц. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 568 с.
2. Зайцев А. Таинства Церкви : введение в изучение [Электронный ресурс] / А. Зайцев // Pravoslavieto.com — Българският Православен портал в Интернет, 2009. — Режим доступа : http://www.pravoslavieto.com/docs/ru/tainstva_izuchenie_zajcev.htm (дата обращения : 01.03.2018).
3. История евангельско-баптистского движения в Украине. Материалы и документы / под ред. С. Головащенко. — Одесса : Богомыслие, 1998. — 277 с.
4. Катанский А. Л. Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей церкви до оригена включительно: историко-догматическое исследование А. Катанского / А. Л. Катанский. — СПб. : тип. Ф.Г. Елеонского и Ко, 1877. — II, 423 с.
5. Катехизис католической церкви. Компендиум. — М. : Культурный центр «Духовная Библиотека», 2007. — 216 с.
6. Матвій В. Священнодії пастора / В. Матвій. — Луцьк : РТ МКФ «Християнське життя», 2004. — 298 с.
7. Настольная книга пресвитера / под ред. М. Иванов. — Москва : Отдел богословия и катехизации РСХБ, 2010.
8. Нефедов Г. прот. Таинства и обряды Православной Церкви / прот. Г. Нефедов. — М. : Поломник, 2002. — 316 с.
9. Павлов В. Краткое вероучение баптистов / В. Павлов // Баптист — № 6. — 1907. — с. 1-4
10. Послание патриархов восточно-кафолической церкви о православной вере (1723 г.) [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука Веры». — 2018. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/1723/> (дата обращения : 01.03.2018).
11. Прохоров К. Русский баптизм и православие (Серия «Диалог») / К. Прохоров. — М. : Издательство ББИ, 2017. — х + 460 с.
12. Священнодействия церкви: Таинства / под ред. В. Дехтяров. — Новосибирск, 2008.
13. Таушев А., архиеп. Литургия [Электронный ресурс] / архиеп. А. Таушев. — Режим доступа : <http://saint-serge-russe.com/wp-content/uploads/2016/10/04.-Arhiep.-Averkii.-Liturgika-1-3.pdf> (дата обращения : 01.03.2018).
14. Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за вѣру: историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии; с приложением статей закона и высочайших указов / В. И. Ясевич-Бородаевская. — Front Cover. Gos. tip., 1912. — 565 с.
15. Baptist Union Documents, 1948-1977 / selected and introduced by Roger Hayden. — London : Baptist Historical Society, 1980. — 242 p.
16. Ellis C. J. Embodied Grace : Exploring the Sacraments and Sacramentality / C. J. Ellis // Baptist Sacramentalism 2 / Ed. Anthony R. Cross, Philip E. Thompson. — Paternoster Press, 2008. — Vol. 2. — 283 p. — Pp. 1-16.
17. Fiddes P. S. Reflections on the Water : Understanding God and the World through the Baptism of Believers / P. S. Fiddes. — Oxford : Regent's Park College; Macon GA : Smyth & Helwys Press, 1996.
18. Lumpkin W. L. Baptist confessions of faith / W. L. Lumpkin. — Philadelphia : Judson Press, 1959.
19. Moody C. B. American Baptismal Sacramentalism? : Toward a Sacred Theology of Baptism in the Context of Transatlantic Baptist Disagreement / C. B. Moody. — Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Muller Aktiengesellschaft, 2009.
20. Pinnock C. The Physical Side of Being Spiritual: God's Sacramental Presence / C. Pinnock // Baptist Sacramentalism / Ed. Anthony R. Cross, Philip E. Thompson. — Waynesboro, GA : Paternoster, 2003. — 278 p.
21. Prokhorov C. Russian Baptists and Orthodoxy: 1960-1990 : A Comparative Study of Theology; Liturgy; and Traditions / C. Prokhorov. — Langham Monographs, 2014.

22. Schillebeeckx E. Christ the Sacrament of the Encounter with God / E. Schillebeeckx. – New York : Sheed and Ward, 1963.

Санніков С. В. Таїнства в сакраментологічному дискурсі православ'я, католицизму і баптизму – Стаття.

Анотація. У статті проводиться аналіз трансформації традиційних уявлень про священнодійства в православ'ї, католицизмі і баптизмі. Показано, як в кожній з цих груп змінюється парадигма розуміння таїнств від вузького і обмеженого числа обрядів до широкого поданням сакраментів як зустрічі з Христом в просторі Церкви. Звичне уявлення про 7 таїнств в православ'ї та католицтві і 2-х таїнств в баптизмі піддається критиці представниками цих конфесій з біблійних і богословсько-історичних перспектив.

Хоча розширення числа таїнства і пересмислення їх суті піддається критиці всередині цих груп, все ж автор звертає увагу на схожість тенденцій в кожній із зазначених конфесій розглядати таїнства не стільки як передачу благодаті, а як видиму присутність невидимої благодаті. Відкритість церковної свідомості до розгляду таємничої присутності Христа в навколишньому світі може стати підставою не тільки для продуктивного діалогу, але і для взаємного збагачення кожної традиції.

Ключові слова: сакраментологія, 7 таїнств, православ'я, католицизм, баптизм, початкове таїнство.

Sunnikov S. V. Sacraments In The Sacramentology Discourse Of Orthodoxy, Catholicism And Baptism – Article.

Summary. The article presents the analysis of the transformation of the traditional understanding of religious rites in Orthodoxy, Catholicism and Baptism. It is demonstrated that the paradigm of understanding sacraments shifts from a confined number of rites to a wide representation of sacraments as meetings with Christ in the Church space. The customary representation of 7 sacraments in Orthodoxy and Catholicism and 2 sacraments in Baptism is criticized by the representatives of these confession from the biblical, theological and historical perspectives.

Although the extension of the number of sacraments and reconsideration of their nature is criticized within these groups, the author points out the similarity in the trends, taking place in each of the mentioned confessions, to see sacraments not only as a transmission of grace, but as an apparent presence of invisible grace. The openness of the Church mind to the consideration of the mystical presence of Christ in the surrounding world may become the background not only for a productive dialogue, but also for the mutual enrichment of each tradition.

Keywords: sacramentology, 7 sacraments, Orthodoxy, Catholicism, Baptism, primordial sacrament.